

Жизненная ситуация постопеки в субъективных оценках членов кровнородственных семей*

Е. Ю. Коржова^а, О. Н. Тузова, А. М. Карасаева, А. В. Повхова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Для цитирования: Коржова Е. Ю., Тузова О. Н., Карасаева А. М., Повхова А. В. Жизненная ситуация постопеки в субъективных оценках членов кровнородственных семей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14. Вып. 2. С. 241–259.
<https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.203>

Завершение опеки является важным периодом для всех членов семьи и может рассматриваться как особая жизненная ситуация. Исследование периода постопеки позволяет оценить качество прохождения предыдущих этапов и увидеть перспективы дальнейшего развития как опекаемых (постопекаемых), так и опекунов (постопекунов). В настоящее время данный этап жизни опекунских семей недостаточно отражен в научных исследованиях. Существует необходимость пополнения эмпирических данных по проблемам опекунских семей после завершения опеки. Цель исследования — выявление субъективной оценки членами кровнородственных опекунских семей жизненной ситуации постопеки. Для достижения поставленной цели разработана анкета, которая содержит вопросы, направленные на выявление структуры постопекунской семьи, изучение субъективных оценок изменения жизненной ситуации, анализ уровня поддержания взаимоотношений в системе «постопекун — постопекаемый», субъективную оценку уровня поддержания социальных контактов, способности и готовности бывшего опекуна передавать ответственность, субъективную оценку готовности к самостоятельной жизни постопекаемых, выявление уровня удовлетворенности результатом взаимодействия в семье. В исследовании приняли участие 214 членов кровнородственных опекунских семей. Из них 112 детей-сирот в возрасте 18–25 лет и 102 постопекуна в возрасте 45–75 лет. Было установлено, что структура опекунской семьи в период постопеки в большинстве случаев претерпевает изменения в связи с уходом ребенка из семьи, объективные изменения жизненной ситуации в период постопеки членами постопекунских семей зачастую не осознаются и не принимаются, субъективные оценки уровня поддержания отношения в период постопеки выше у постопекаемых, изменения в отношениях с внуками бабушки-постопекуны воспринимают как негативные, наиболее низкий уровень социальных контактов продемонстрировали бабушки-постопекуны, проживающие отдельно, постопекаемые высоко оценивают свою готовность брать ответственность, а также высоко оценивают воспитательный вклад своих опекунов.

Ключевые слова: жизненная ситуация постопеки, постопекуны, постопекаемые, кровнородственные опекунские семьи.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-28-00195 «Постопекунская семья: психологические особенности и модель сопровождения»; <https://rscf.ru/project/23-28-00195/>.

^а Автор для корреспонденции.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Введение

Завершение опеки и попечительства над детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, является важным этапом в жизненном цикле семьи. С одной стороны, это факт преодоления сложностей предыдущих лет, с другой — это период проверки эффективности действий всех членов семьи, направленных на сохранность семьи как системы, способности к ее дальнейшему развитию. Семья, осуществляющая кровнородственную опеку, так же как и любая другая семья в период ухода ребенка из семьи, продолжает решать жизненно важные задачи как для подопечного (сепарация, профессионализация и пр.), так и для опекуна (смена функций и воспитательных ролевых позиций относительно взрослого ребенка).

Следует отметить, что кровнородственная опекунская семья сравнительно недавно стала объектом психологических исследований. В научных работах данная категория традиционно рассматривалась в общей группе замещающих семей. Исследования семей, осуществляющих различные формы опеки, посвящены адаптации детей-сирот в опекунских семьях (Шульга, 2016; Цинявская, 2020), особенностям психоэмоционального состояния детей и подростков, оставшихся без попечения родителей (Горбанева и др., 2023), особенностям поведения привязанности у детей-сирот (Асламазова и др., 2019), особенностям внутрисемейных отношений и взаимодействий в опекунских семьях (Коржова и др., 2020b; Korjova et al., 2022; Соломатина, 2020; Шабалина, Мухамедрахимов, 2021; Шабалина, Мухамедрахимов, 2022), выявлению факторов и показателей эффективности замещающих семей (Залужная и др., 2022; Соломатина, Суменко, 2022), проблемам жизнеспособности замещающей семьи (Махнач, 2019c), социальным и психолого-педагогическим проблемам опекунов (Fučík, Janků, 2019; Davis et al., 2020; Xu et al., 2023), вопросам психолого-педагогического сопровождения замещающих семей (Ослон, 2011; Тузова, Кардакова, 2015) и подготовке педагогов к работе со сложными ситуациями в таких семьях (Соломатина, Суменко, 2023).

Важно, что в современных исследованиях отмечается необходимость семейного жизнеустройства детей-сирот. Так, изучая поведенческие проявления привязанности у детей, воспитывающихся в замещающих семьях, Р. Ж. Мухамедрахимов, Л. А. Асламазова и Е. А. Вершинина показали, что с увеличением объема участия семей в психологическом сопровождении различия между детьми в замещающих и биологических семьях снижаются (Мухамедрахимов и др., 2019). Существует потребность в организации психолого-педагогической помощи родителям и детям для обеспечения «надежности» взрослого, который выступает основой роста и развития личности ребенка. Сформированная или несформированная привязанность может выступать одним из критериев успешности опекунства.

В рамках исследования жизнеспособности замещающей семьи, изучая ее как малую социальную группу, А. В. Махнач выделяет такие актуальные исследовательские проблемы:

- эмоциональный климат внутри семьи, способствующий совладанию с трудными ситуациями;
- нормы и ценности семьи, усиливающие воспитательные воздействия на приемного ребенка;

- ролевая четкость между членами семьи, помогающая новому члену семьи усваивать социальные роли;
- относительная независимость семьи от других социальных групп;
- открытость системы для приема новых членов;
- сплоченность семьи и устремленность в будущее;
- принятые особые формы и способы управления взаимодействием в семье с целью достижения близких и дальних результатов (Махнач, 2019а).

Некоторые из указанных проблем легли в основу разработки нашей авторской анкеты, направленной на изучение жизненной ситуации постопеки в субъективных оценках членов кровнородственных опекунских семей.

В изучении кровнородственной опеки можно выделить исследовательский проект, посвященный психологическим характеристикам опекунских семей на основе ситуационного подхода (Коржова и др., 2020а). При анализе жизненной ситуации опеки авторы выявили ее специфичные психологические характеристики для семей кровной и некровной опеки. В семьях с кровными опекунами уровень семейного благополучия значительно различается в зависимости от обстоятельств, причем отказ от родительских прав переживается наиболее тяжело; положительную роль играет участие родителя в жизни семьи. При этом в семьях с некровным опекуном обстоятельства не оказывают существенного влияния на уровень семейного благополучия. Среди психологических мишеней оказания психологической помощи — тревога перед будущим у кровных опекунов-бабушек из-за их возраста, а также некоторые неблагоприятные тенденции в семьях с некровным опекуном: с ростом стажа опеки снижается ответственность участия в ситуации.

По мнению исследователей, в частности Н. Ролок, А. Г. Переца, К. Р. Вайта, Л. Марра и др., необходимо расширить исследования опекунских семей, чтобы понять проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди, которые покидают свои приемные/опекунские семьи (Rolock, Pérez, 2016; Rolock, White, 2016; White et al., 2020). Также авторы подчеркивают необходимость изучения психологических характеристик приемных и опекунских семей в период завершения совместного проживания с приемным ребенком/опекаемым.

При рассмотрении жизнедеятельности опекунских семей можно выделить ряд этапов, на которых решаются актуальные задачи. Л. А. Саенко и Г. Н. Соломатина обращают внимание на наличие специфики в функционировании замещающих семей, в связи с чем их жизненный цикл будет несколько отличаться от традиционной детско-родительской семьи. Они выделяют шесть этапов в жизненном цикле замещающей семьи:

- 1) принятие членами семьи решения о включении приемного ребенка в их семью;
- 2) первая встреча с приемным ребенком;
- 3) принятие членами замещающей семьи своей новой роли;
- 4) включение приемного ребенка в структуру семьи и во внесемейные социальные институты и отношения;
- 5) принятие взросления приемного ребенка и подготовка к его уходу из семьи в самостоятельную жизнь;
- 6) уход приемного ребенка в самостоятельную жизнь (Саенко, Соломатина, 2020).

На каждом из этапов жизненного цикла семья решает свои задачи. По данным Ю. В. Постыляковой, поддержание нормального семейного функционирования и решение проблем семьи зависит от сочетания семейных и индивидуальных ресурсов. По мнению автора, необходимо обращать внимание на «особенности сочетания ресурсов в зависимости от: а) структурных характеристик семьи и этапов ее жизненного цикла, б) особенностей и различий, существующих в индивидуальных и семейных ресурсах» (Постылякова, 2015).

В свою очередь А. В. Махнач отмечает: «В анализе специфики стадий развития в замещающей семье, где опекунами являются бабушки и дедушки, прохождение всех стадий развития будет определяться: возрастом опекунов, состоянием здоровья, их образованием, наличием работы, местом проживания» (Махнач, 2019b).

В рамках нашей работы исследовательский акцент делается на шестой этап, который связан с завершением опеки и уходом ребенка из семьи. Согласно статье 40 «Прекращение опеки и попечительства» Гражданского кодекса РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023), «попечительство над несовершеннолетним прекращается без особого решения по достижении несовершеннолетним подопечным восемнадцати лет, а также при вступлении его в брак и в других случаях приобретения им полной дееспособности до достижения совершеннолетия»¹. Однако по наступлении совершеннолетия опекаемого ребенка семья не прекращает своего существования. В этой связи мы сталкиваемся с малоизученным феноменом постопекунской семьи. Данный факт обуславливает необходимость установления специфики психологии жизнедеятельности семьи в период постопеки, особенностей ее адаптации к новому жизненному циклу, изучения способностей пожилых опекунов преодолевать трудности сепарации взрослого ребенка, выявление критериев успешности социализации как бывшего опекуна (постопекуна), так и бывшего опекаемого (постопекаемого).

Цель исследования — выявление субъективной оценки членами кровнородственных опекунских семей жизненной ситуации постопеки. Были поставлены следующие исследовательские вопросы:

1. Как меняется структура опекунской семьи в период постопеки?
2. Как постопекуны и постопекаемые оценивают изменения жизненной ситуации после завершения опеки?
3. Сохраняют ли члены семей отношения в период постопеки?
4. Каковы субъективные оценки постопекунов и постопекаемых изменений отношений в период постопеки?
5. Как члены постопекунских семей оценивают уровень поддержания своих социальных контактов?
6. Как постопекуны и постопекаемые оценивают свою способность к сепарации?
7. Насколько члены кровнородственных опекунских семей удовлетворены результатами воспитания?

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2023). ГК РФ. Ст. 40. Прекращение опеки и попечительства. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/c692e0b12b609bf381c82f6f7e45439631140b86/ (дата обращения: 18.09.2023).

Приступая к решению поставленных задач на основании теоретического анализа литературы и собственного опыта психолого-педагогического сопровождения опекунских семей (Тузова, Кардакова, 2015; Коржова и др., 2020а), мы предположили, что у членов кровнородственных постопекунских семей существуют различия в субъективных оценках жизненной ситуации постопеки.

Метод

Участники исследования. В исследовании приняли участие 214 членов кровнородственных опекунских семей, проживающих в г. Санкт-Петербурге, г. Мурманске и Мурманской области. Из них 102 постопекуна в возрасте 45–75 лет и 112 детей-сирот в возрасте 18–25 лет (у 10 постопекаемых бабушки-опекуны умерли). В данной выборке в большинстве случаев опекунами являлись бабушки (78,4%). Из них 31,25% указали, что продолжают совместно проживать с постопекаемыми внуками, 25% отметили, что постопекаемые внуки живут отдельно, но сами они проживают с родственниками (мужьями, детьми и пр.), 43,75% живут одни. 21,6% постопекунов являются тетями: в 9,1% случаев постопекаемые живут с ними, а в 90,9% — постопекуны указали, что живут с мужьями, детьми, родителями, а их постопекаемые проживают самостоятельно.

Общие социально-демографические данные представлены в табл. 1.

Таблица 1. Значения возраста ($M \pm SD$), пола и социально-демографических показателей (%) участников исследования

Параметры		Постопекуны ($N=102$)		Постопекаемые ($N=112$)	
		бабушки ($N=80$)	тети ($N=22$)	внуки ($N=90$)	племянники ($N=22$)
Возраст, лет		66,3 ± 8,7	46,8 ± 4,2	23,3 ± 3,2	22,8 ± 2,2
Пол	Мужской	0	0	44,5	54,5
	Женский	100	100	55,5	45,5
Образование	Среднее основное	6,3	0	2,2	4,5
	Среднее общее	18,7	13,6	15,5	9
	Среднее профессиональное	53,7	40,9	69	49,9
	Высшее	21,3	45,5	13,3	36,4
Семейное положение	Замужем/женат	31,3	91	21,1	4,5
	Не замужем/ не женат	68,7	9	78,9	95,5
Уровень дохода	Высокий	0	4,5	7,7	9
	Средний	56,2	68,2	72,2	59
	Низкий	43,7	27,3	20,1	32

Таблица 2. Значения возраста (min–max, M ± SD) и временных показателей опеки до и после ее завершения (M ± SD) в группах сравнения

Группы сравнения		Кол-во респондентов в группе (N)	Возраст, min–max (лет)	Средний возраст (лет)	Стаж опеки (лет)	Время от завершения опеки до момента исследования (лет)
1	Бабушки-постопекуны, проживающие с постопекаемыми	25	59–72	66,3 ± 6,7	12,3 ± 5,5	2,1 ± 1,5
2	Бабушки, проживающие с другими родственниками	20	60–75	67,5 ± 7,7	11,5 ± 4,3	3,5 ± 3,5
3	Тети, проживающие с другими родственниками	20	45–51	46,8 ± 4,2	10,3 ± 5,7	2,7 ± 2,3
4	Бабушки, живущие одни	35	63–74	68,3 ± 5,7	12,3 ± 4,3	4,3 ± 2,7
5	Постопекаемые, проживающие с бабушками	25	18–22	21,3 ± 2,2	12,3 ± 5,5	2,1 ± 1,5
6	Постопекаемые, проживающие самостоятельно	65	19–25	22,3 ± 3,2	11,6 ± 3,5	4,3 ± 3,2
7	Постопекаемые, проживающие в своих семьях	20	23–25	23,3 ± 2,7	11,7 ± 3,3	5,7 ± 2,3

На основании данных анкеты было сформировано семь групп постопекунов и постопекаемых, объединяющих респондентов по родственным ролям (бабушки, тети, постопекаемые) и проживанию (отдельно от постопекаемых, проживание с другими родственниками) на момент исследования для сравнительного анализа представлений о жизненной ситуации постопеки (табл. 2).

Согласно данным, представленным в табл. 1 и 2, ко времени проведения исследования все опекаемые достигли совершеннолетия, длительность опеки до ее завершения составила 10–12 лет, период после завершения опеки до проведения исследования варьировал от полугода до 7 лет. Уровень образования постопекунов и постопекаемых — в основном среднее профессиональное и высшее, уровень дохода — средний и низкий. Большая часть постопекунов-тетей отметили, что замужем, постопекунов-бабушек — не замужем, большинство постопекаемых не замужем / не женаты.

Методика исследования. Для достижения поставленной цели была разработана анкета для постопекунов и постопекаемых. Методика исследования предполагает раздельное анкетирование членов постопекунской семьи. Анкетирование проводилось при непосредственном участии психолога и занимало 30–40 минут.

Анкета для постопекунов (бабушек и тетей) содержит вопросы, относящиеся к структуре постопекунской семьи, полу, возрасту и семейному статусу участников исследования, а также шесть блоков вопросов, направленных на выявление:

- 1) субъективной оценки изменения жизненной ситуации;
- 2) субъективной оценки уровня поддержания взаимоотношений в системе «постопекун — постопекаемый»;
- 3) субъективной оценки изменений отношений в период постопеки;
- 4) субъективной оценки уровня поддержания социальных контактов;
- 5) способности и готовности бывшего опекуна поддерживать и возвращать самостоятельность постопекаемого;
- 6) уровня удовлетворенности результатом семейного воспитания.

Анкета для постопекаемых (внуков и племянников) содержит аналогичные информационные блоки, но с модификацией вопросов в соответствии с рассматриваемой ситуацией с позиции молодых людей. В 6-м блоке анкеты вопросы направлены на выявление субъективной оценки готовности постопекаемых к самостоятельности.

В каждом информационном блоке содержится от двух до пяти вопросов как открытого, так и закрытого типа. Закрытые вопросы дают возможность присвоить балл, например, за ответ «Да» — 1 балл, за ответ «Нет» — 0 баллов, что при количественном анализе позволяет понять уровень субъективной оценки респондентом предлагаемой к рассмотрению ситуации. Открытые вопросы помогают конкретизировать ситуацию, увидеть личную позицию респондента, что позволяет провести качественный анализ отношения членов постопекунских семей к жизненной ситуации постопеки.

Обработка результатов исследования осуществлялась с помощью пакета прикладных компьютерных программ Statistica v.12.0 и включала расчет описательных статистик, сравнение показателей, полученных в разных выборках, с помощью χ^2 критерия Фишера и H критерия Краскела — Уоллиса.

Сравнительный анализ результатов осуществлялся в два этапа. На первом этапе сравнивались ответы постопекунов и постопекаемых из одной семьи. В этой связи в группу сравнения не вошли 10 постопекаемых, у которых бабушки-опекуны на момент исследования умерли.

На втором этапе был проведен сравнительный анализ субъективных оценок жизненной ситуации между членами опекунских семей, объединенных в группы по родственным ролям (бабушки, тети, постопекаемые) и проживанию. В группу сравнения не вошли две семьи, где опекунами выступали тети, на момент исследования проживающие с постопекаемыми, в связи с недостаточным количеством респондентов. В табл. 4 приведены эмпирические значения критерия H Краскела — Уоллиса.

Результаты

Сравнительный анализ субъективных оценок постопекунами и постопекаемыми ситуации завершения опеки представлен в табл. 3.

Полученные по первому информационному блоку данные позволяют констатировать, что уровень субъективных оценок изменений жизненной ситуации постопеки у бывших подопечных, проживающих самостоятельно, в процентном соотношении достоверно различается с уровнем постопекунов ($\varphi = 2,06$, $p < 0,01$). Постопекуны-тети достоверно меньше ($\varphi = 2,32$, $p < 0,001$) отмечали положительные

Таблица 3. Сравнительный анализ субъективных оценок ситуации завершения опеки

	Постопекунские семьи						
	проживающие совместно (27 семей)						бабушки, проживающие с другими родственника- ми (20)
	бабушки (25)	внуки (25)	φ, p	тети (2)	племянники (2)	φ, p	
1. Субъективные оценки изменения жизненной ситуации, %							
Изменилась положительно	0	0	Различий нет	0	0	Различий нет	20
Изменилась отрицательно	20	0		0	0		30
Не изменилась	80	100		100	100		50
2. Субъективные оценки уровня поддержания взаимоотношений? %							
Высокий	Различий нет						50
Средний							50
Низкий							0
3. Субъективные оценки изменений отношений в период постопеки, %							
Изменились положи- тельно	12	0	–	50	50	Различий нет	35
Изменились отрица- тельно	28	0	–	0	0		10
Не изменились	60	100	$\varphi = 4,8,$ $p < 0,001$	50	50		55
4. Субъективные оценки уровня поддержания социальных контактов, %							
Высокий	20	56	$\varphi = 2,6,$ $p < 0,001$	100	50	Различий нет	60
Средний	60	40	$\varphi = 1,4,$ $p < 0,01$	0	50		40
Низкий	20	4	$\varphi = 1,8,$ $p < 0,01$	0	–		0
5. Уровни субъективной оценки готовности отдавать (брать) ответственность, %							
Высокий	4	24	$\varphi = 2,6,$ $p < 0,001$	50	100	Различий нет	10
Средний	40	40	–	50	0		55
Низкий	56	36	$\varphi = 1,8,$ $p < 0,01$	0	0		35
6. Уровни удовлетворенности результатом семейного воспитания, %							
Высокий	8	56	$\varphi = 2,6,$ $p < 0,001$	50	100	Различий нет	25
Средний	60	40	$\varphi = 1,4,$ $p < 0,01$	50	0		50
Низкий	32	4	$\varphi = 1,8,$ $p < 0,01$	0	0		25

(количество семей или человек, N)							
проживающие отдельно (75 семей)							
внуки (20)	φ, p	бабушки, живущие одни (35)	внуки (35)	φ, p	тети, проживающие с другими родственниками (20)	племянники (20)	φ, p
50	$\varphi = 2,06, p < 0,01$	14,3	57,2	$\varphi = 3,9, p < 0,001$	60	90	$\varphi = 2,32, p < 0,001$
10	$\varphi = 1,64, p < 0,01$	77,2	14,3	$\varphi = 5,7, p < 0,001$	5	10	$\varphi = 0,6, p < 0,1$
40	$\varphi = 1,64, p < 0,01$	8,5	28,5	$\varphi = 3,6, p < 0,001$	35	10	$\varphi = 1,9, p < 0,01$
70	$\varphi = 2,32, p < 0,001$	0	40	–	50	60	$\varphi = 2,32, p < 0,001$
30	$\varphi = 0,6, p < 0,1$	40	40	$\varphi = 0,6, p < 0,1$	40	40	$\varphi = 0,6, p < 0,1$
0	–	60	20	$\varphi = 1,9, p < 0,01$	10	0	–
50	$\varphi = 0,9, p < 0,1$	5,7	37,1	$\varphi = 3,5, p < 0,001$	50	20	$\varphi = 2,06, p < 0,001$
10	–	57,2	5,7	$\varphi = 5,1, p < 0,001$	0	0	–
50	$\varphi = 0,32, p < 0,1$	37,1	57,2	$\varphi = 1,7, p < 0,01$	50	80	$\varphi = 2,05, p < 0,001$
70	Различный нет	14,3	85,7	$\varphi = 6,6, p < 0,001$	60	90	$\varphi = 2,32, p < 0,001$
30		28,5	14,3	$\varphi = 1,4, p < 0,01$	35	10	$\varphi = 1,9, p < 0,01$
0		57,2	0	–	5	0	–
70	$\varphi = 2,6, p < 0,001$	5,7	42,8	$\varphi = 6,6, p < 0,001$	45	90	$\varphi = 2,32, p < 0,001$
30	$\varphi = 1,8, p < 0,01$	42,8	51,5	$\varphi = 1,4, p < 0,01$	55	10	$\varphi = 1,9, p < 0,01$
0	–	51,5	5,7	–	0	0	–
60	$\varphi = 2,2, p < 0,001$	2,8	85,7	$\varphi = 6,6, p < 0,001$	75	90	$\varphi = 2,32, p < 0,001$
40	–	57,2	14,3	$\varphi = 1,4, p < 0,01$	25	10	$\varphi = 1,9, p < 0,01$
0	–	40	0	–	0	0	–

изменения, чем их бывшие подопечные. Постопекуны и постопекаемые, которые в период постопеки продолжили совместное проживание, отметили отсутствие изменений.

Анализ ответов на второй информационный блок «Субъективные оценки уровня поддержания взаимоотношений» показал, что больший процент постопекаемых (70 %) считает, что достаточно часто встречается с бывшими опекунами, в отличие от постопекунов (50 %). Бабушки-постопекуны, которые живут одни, в большинстве случаев (60 %) ниже оценивают уровень общения с подопечными, чем их внуки ($\varphi = 1,9, p < 0,01$), только 50 % семейных бабушек дали высокую оценку поддержанию взаимоотношений с постопекаемыми, что достоверно меньше ($\varphi = 2,32, p < 0,001$), чем у внуков (70 %). Субъективные оценки тетя-постопекунов совпадают с оценками их племянников.

Помимо оценки количества встреч, членам постопекунских семей было предложено дать субъективную оценку качества семейных отношений и отметить, изменились ли отношения между постопекуном и подопечным после завершения опеки (информационный блок 3).

Значимых различий в оценках семейных отношений между племянниками и тетями, проживающими совместно, и между бабушками, живущими с другими родственниками, и их самостоятельно проживающими внуками не выявлено. При этом большая часть респондентов отмечает либо позитивные изменения, либо отсутствие изменений, что свидетельствует о благополучном фоне взаимоотношений. В постопекунских семьях, где бабушки проживают одни, выявлена неблагоприятная ситуация в межличностных отношениях в системе «постопекаемый — постопекун» ($\varphi = 3,5, p < 0,001$). В этой группе бабушки чаще давали негативную оценку изменениям отношений (57,2 %) в отличие от внуков (5,7 %), что может свидетельствовать о наличии конфликта. При этом каждая из сторон при ответе на вопрос анкеты данного информационного блока «Кто выступает инициатором общения?» называет себя.

Общение для одиноко проживающих бабушек является одной из неудовлетворенных потребностей, которые могут быть компенсированы расширением социальных контактов. Как известно, опекунские семьи часто оказываются в социальной изоляции. В этой связи, изучая специфику жизненной ситуации постопеки, важно получить оценку постопекунов и постопекаемых об уровне их поддержания социальных контактов, которая представлена в информационном блоке 4 «Субъективные оценки уровня поддержания социальных контактов».

Полученные данные демонстрируют, что постопекаемые оценивают свою социальную активность выше (56 %), чем бабушки-опекуны (20 %) ($\varphi = 2,6, p < 0,001$). Высокий процент одиноко живущих бабушек (57,2 %) указал на низкий уровень социальных контактов, что существенно отличает их оценку ситуации от субъективных оценок их внуков ($\varphi = 6,6, p < 0,001$), что свидетельствует о необходимости организации психолого-педагогической поддержки бабушек.

Одной из важных задач периода постопеки является сепарация взрослого внука. Успешность данного процесса во многом зависит от способности опекунов передавать ответственность и способность подопечных ее брать. Результаты представлены в 5-м информационном блоке «Уровни субъективной оценки отдавать (брать) ответственность». Анализ показал, что постопекаемые желают и способны

брать ответственность за свою жизнь в большем проценте случаев, чем на это готовы постопекуны: в семьях, где бабушки продолжают проживать с внуками вместе, достоверность различий $\varphi = 2,6$, $p < 0,001$; в семьях, где постопекаемые проживают отдельно от своих семейных бабушек, достоверность различий $\varphi = 2,6$, $p < 0,001$; в семьях, где постопекаемые проживают отдельно от своих одиноких бабушек, достоверность различий $\varphi = 6,6$, $p < 0,001$; в семьях, где постопекаемые проживают отдельно от своих семейных тетя-постопекунов, достоверность различий $\varphi = 2,32$, $p < 0,001$. Чувство тревоги за подопечного, неуверенность в том, что он справляется с жизненными задачами, осложняют процесс сепарации. Можно сказать, что данный факт является спецификой проживания жизненной ситуации постопеки в этих семьях. Для подтверждения данного умозаключения необходима контрольная группа, включающая традиционные детско-родительские семьи, что относится к перспективе продолжения данного исследования.

Важным в понимании особенностей завершения опеки нам представляется выявление у членов кровнородственных опекунских семей уровня их удовлетворенности результатом воспитательной функции в собственных глазах опекуна и признание вклада в свое развитие со стороны подопечного. Данная информация представлена в 6-м блоке «Уровни удовлетворенности результатом семейного воспитания».

Анализ ответов показал, что в данной выборке исследования получен интересный результат: в процентном соотношении постопекаемые оценивают воспитательные заслуги своих опекунов выше, чем сами замещающие родители: в семьях, где бабушки продолжают проживать с внуками вместе, достоверность различий $\varphi = 2,6$, $p < 0,001$; в семьях, где постопекаемые проживают отдельно от своих семейных бабушек, достоверность различий $\varphi = 2,2$, $p < 0,001$; в семьях, где постопекаемые проживают отдельно от своих одиноких бабушек, достоверность различий $\varphi = 6,6$, $p < 0,001$; в семьях, где постопекаемые проживают отдельно от своих семейных тетя-постопекунов, достоверность различий $\varphi = 2,32$, $p < 0,001$.

Вероятно, данный факт можно объяснить воспитательной неуверенностью бабушек-опекунов в связи с наличием (в некоторых семьях) негативного результата воспитания собственных детей либо с переживанием сложностей процесса завершения воспитательной функции.

Поскольку представленные выше результаты демонстрируют различия в субъективных оценках жизненной ситуации постопеки только в парах «постопекун — постопекаемый», был проведен второй этап, на котором осуществлен сравнительный анализ между выделенными группами сравнения. Был использован критерий Н Краскела — Уоллиса для подтверждения различий между всеми группами постопекунов и постопекаемых (табл. 4).

Установлено, что между указанными группами существуют различия в субъективных оценках при уровне значимости $p \leq 0,05$ по таким информационным блокам, как «Субъективные оценки изменения жизненной ситуации» (10,3), «Субъективные оценки изменений отношений в период постопеки» (8,5), «Субъективные оценки уровня поддержания социальных контактов» (9,4). А по таким информационным блокам, как «Субъективные оценки уровня поддержания взаимоотношений» (11,3), «Уровни субъективной оценки готовности отдавать (брать) ответственность» (12,75), «Уровни удовлетворенности результатом семейного воспитания» (14,2), выявлены различия с уровнем значимости $p \leq 0,01$.

Таблица 4. Среднегрупповые значения ($M \pm SD$) субъективных оценок ситуации постопеки в группах членов кровнородственных опекунских семей с различными родственными отношениями и семейным статусом (эмпирические значения критерия Н Краскела — Уоллиса)

Информационные блоки	Группы сравнения							N / p ≤
	1	2	3	4	5	6	7	
1. Субъективные оценки изменения жизненной ситуации	0,08 ± 0,02	1,7 ± 1,2	2,8 ± 1,5	-1,286 ± 0,1	0,08 ± 0,03	2,585 ± 2,1	2,35 ± 1,98	10,3/0,05
2. Субъективные оценки уровня поддержания взаимоотношений	2,08 ± 1,2	2,1 ± 1,4	2,5 ± 1,68	-0,346 ± 0,98	2,1 ± 1,55	2,092 ± 1,3	2,3 ± 1,34	11,3/0,01
3. Субъективные оценки изменений отношений в период постопеки	0,2 ± 0,98	1,9 ± 1,3	2,8 ± 2,1	-0,486 ± 0,1	0,12 ± 0,01	2,092 ± 2,05	2,3 ± 1,7	8,5/0,05
4. Субъективные оценки уровня поддержания социальных контактов	2,08 ± 1,06	1,9 ± 0,98	3,5 ± 1,45	1,221 ± 0,99	2,2 ± 11,5	3,486 ± 1,78	2,85 ± 1,87	9,4/0,05
5. Уровни субъективной оценки готовности отдавать (брать) ответственность	2,08 ± 1,4	1,85 ± 0,88	5,8 ± 2,3	2,229 ± 1,2	2,2 ± 0,79	3,769 ± 2,1	5,55 ± 2,78	12,75/0,01
6. Уровни удовлетворенности результатом семейного воспитания	2,08 ± 1,67	2,15 ± 1,9	2,9 ± 1,1	1,343 ± 0,78	2,8 ± 1,2	2,492 ± 1,65	2,95 ± 2,34	14,2/0,01

Примечание: 1-я группа — бабушки-постопекуны, проживающие с постопекаемыми (25 чел.); 2-я группа — бабушки, проживающие с другими родственниками (20 чел.); 3-я группа — тети, проживающие с другими родственниками (20 чел.); 4-я группа — бабушки, живущие одни (35 чел.); 5-я группа — постопекаемые, проживающие с бабушками (25 чел.); 6-я группа — постопекаемые, проживающие самостоятельно (65 чел.); 7-я группа — постопекаемые, проживающие в своих семьях (20 чел.)

Наиболее позитивные представления о жизненной ситуации постопеки у постопекаемых, которые на момент исследования уже создали свои семьи, и у тех, кто живет самостоятельно. Выявлена группа риска, требующая отдельного внимания, — это бабушки-постопекуны, живущие одни (4-я группа): по всем рассматриваемым категориям они дали низкую оценку.

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о наличии различий в субъективных оценках жизненной ситуации постопеки у членов кровнородственных опекунских семей. Большой процент постопекаемых в данной исследовательской выборке в период постопеки начинают жить отдельно: в семьях «постопекун-бабушка — постопекаемый внук» в 68,75 % случаев, в семьях «постопекун-тетя — постопекаемый племянник» в 90,9 %, что свидетельствует об изменении структуры опекунской семьи в период постопеки.

Постопекуны, которые продолжают жить совместно с постопекаемыми, чаще отмечают, что жизненная ситуация постопеки не изменилась, отношения остались прежними. По нашему мнению, это свидетельствует о своего рода «задержке семейного развития», «семейном застревании», что препятствует нормальному взрослению подопечного. Постопекаемые из этих семей чаще отмечали свою неготовность к самостоятельной жизни, неуверенность относительно своего будущего. Уход ребенка из семьи является сложным, но необходимым этапом взросления. Сознательное или неосознанное препятствование этому шагу ведет к инфантилизации ребенка, препятствует решению вопросов личностного, профессионального самоопределения. Неготовность постопекунов принять самостоятельность внуков порождает конфликтные ситуации. Как отмечает А. В. Махнач, «вне зависимости от возраста бабушек/дедушек, воспитывающих внуков, они оказывают очень серьезное влияние на возникновение межпоколенческих проблем в отношениях» (Махнач, 2019а).

Наиболее благоприятные результаты были продемонстрированы в группах постопекунов, которые по завершении опеки жили отдельно от опекаемых, но в семьях (с мужьями или другими родственниками). В этих группах чаще отмечались позитивные изменения жизненной ситуации, высоко оценивался уровень поддержания взаимоотношений с постопекаемым. В комментариях респонденты из этих групп отмечали, что гордятся успехами своих постопекаемых, высоко оценивали результат своих воспитательных функций. Постопекаемые из этих семей высоко оценивали свою готовность к самостоятельной жизни. В комментариях они благодарили своих опекунов и выражали готовность оказывать им поддержку и помощь.

Наиболее уязвимой категорией являются бабушки-постопекуны, которые стали жить одни. Именно в этой группе наибольший процент респондентов указал на негативные изменения в их жизни. Они чаще других жалуются на одиночество, на трудности в перестраивании своей жизни. Привыкнув большую часть времени тратить на заботы об опекаемом внуке, они отмечают, что с отделением ребенка не могут найти новый смысл жизни, испытывают трудности в восстановлении утраченных социальных связей. Как правило, в этой связи бабушки-постопекуны отмечают ухудшение эмоционального состояния и самочувствия, при этом не желают

заботиться о своем здоровье. Они в большей степени, чем в других группах постопекунов, проявляют недовольство своими внуками. Подобное состояние в литературе называют синдромом, или эффектом опустевшего гнезда (Козырева, 2019). Постопекаемые внуки отмечают ухудшение взаимоотношений в связи с жалобами бабушек на недостаточное внимание, редкое посещение и отсутствие или недостаток телефонных звонков. Несмотря на то что бабушки ждут общения со своими внуками, им сложно удержаться от претензий к ним, когда их навещают, что ведет к конфликтам. Внуки, испытывая вину и обиду, чтобы избежать негативных эмоций, стараются сократить число взаимодействий с бабушками, что в свою очередь влечет усиление негативных эмоций у бабушек. Это сказывается на их оценке своих воспитательных функций. Как правило, они считают, что воспитали «неблагодарных людей», «потребителей», «эгоистов»; не верят, что внуки способны оказать им помощь и поддержку. При этом сами постопекаемые в комментариях отмечали, что очень благодарны своим бабушкам, высоко оценивали их вклад в их воспитание и хотели бы оказывать им поддержку, но «ворчание и вечное недовольство» вызывают раздражение, и желание помогать пропадает. В исследовании В. В. Козыревой, посвященном выявлению особенностей переживания кризиса опустевшего гнезда, показано, что «у женщин на ощущение одиночества влияет частота общения с детьми. Причем эта взаимосвязь более значимая, нежели у мужчин ($-0,798$ при $p \leq 0,01$)» (Козырева, 2019).

Следует отметить, что благодаря тому, что данное исследование выходит за рамки традиционного изучения семьи в период опеки и попечительства, оно существенно расширяет научное представление об особенностях кровнородственной опеки, которые были описаны в работах Е. Ю. Коржовой, С. А. Безгодовой, А. В. Микляевой, Е. В. Юрковой, А. В. Махнач (Коржова и др., 2020а; Махнач, 2019с). Изучение жизненной ситуации постопеки позволяет увидеть успешность организации жизнедеятельности семьи на предыдущих этапах. Сам период постопеки можно рассматривать как критерий жизнеспособности семьи, как результат психолого-педагогического сопровождения. Если в предыдущих исследованиях основополагающими задачами выступали жизнеустройство детей-сирот (Ослон, 2011), профилактика вторичного сиротства (Тузова, Кардакова, 2015), то настоящее исследование показывает важность фокусировки не только на решении текущих задач опеки и попечительства, но и на необходимости выстраивания долгосрочной стратегии жизнедеятельности семьи.

Выводы

На основании полученных результатов были сформулированы следующие выводы о жизненной ситуации постопеки:

1. Структура опекунской семьи в период постопеки в большинстве случаев претерпевает изменения в связи с уходом ребенка из семьи.
2. Изменения жизненной ситуации в период постопеки членами постопекунских семей оцениваются в зависимости от возраста опекунов, семейного статуса и семейного устройства.
3. Субъективные оценки уровня поддержания отношения в период постопеки выше у постопекаемых.

4. Изменения в отношениях с внуками бабушки-постопекуны оценивают негативно.

5. Постопекаемые, в отличие от постопекунов, выше оценивают свою готовность брать ответственность.

6. Постопекаемые высоко оценивают воспитательный вклад своих опекунов. Бабушки-опекуны демонстрируют низкую и среднюю удовлетворенность результатом семейного воспитания.

Жизненная ситуация постопеки имеет свои особенности, которые часто не осознаются как важные и определяющие ход дальнейшего развития каждого ее члена. Это этап подведения итогов опекуна, с одной стороны, и постановки новых целей и задач, с другой. Для успешного продолжения жизнедеятельности семьи необходима готовность к изменениям со стороны каждого ее члена. Одной из важных социальных задач данного периода является обеспечение готовности бывших подопечных к оказанию помощи престарелым родственникам. Способность овладеть новыми семейными ролями будет определять жизнеспособность семейной системы. Проведенное исследование позволило выявить наиболее уязвимые категории семей, которые нуждаются в психологической помощи и поддержке.

Ограничения

В представленном анализе субъективных оценок членами кровнородственных семей жизненной ситуации постопеки не учитывались следующие факторы:

- особенности протекания предшествующих ситуаций опеки и попечительства;
- нахождение/ненахождение семьи на психолого-педагогическом сопровождении до момента завершения опеки;
- стаж опеки и время с момента ее завершения;
- общение с кровными родителями или отсутствие такового.

Данные аспекты могут существенно расширить понимание специфики жизненной ситуации постопеки, что выступает перспективой дальнейших исследований кровнородственных опекунских семей.

Литература

- Асламазова Л. А., Мухамедрахимов Р. Ж., Вершинина Е. А. Опыт институционализации и уровень здоровья как факторы поведения привязанности у детей в замещающих семьях // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 1. С. 47–58. <https://doi.org/10.31857/S020595920002249-9>
- Горбанева М. В., Колмакова Т. С., Байер Е. А., Залужная М. В., Григорян Н. А., Коваленко В. Н. Сравнительная характеристика психоэмоционального состояния детей и подростков, оставшихся без попечения родителей, с разной формой семейного устройства // International Journal of Medicine and Psychology. 2023. Т. 6, № 5. С. 108–115.
- Залужная М. В., Хакунова Ф. П., Берсирова А. К., Жажева Д. Д., Григорян Н. А. Результаты мониторинга социальных и педагогических показателей замещающих семей // Социальная педагогика в России: научно-методический журнал. 2022. № 5. С. 54–58.
- Козырева В. В. Социально-психологические особенности переживания мужчинами и женщинами кризиса «Опустевшего гнезда» // Вестник университета. 2019. № 4. С. 173–180. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-4-173-180>
- Коржова Е. Ю., Безгодова С. А., Микляева А. В., Юркова Е. В. Психология опекунской семьи: ситуационный подход. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2020а.

- Коржова Е. Ю., Волкова Е. Н., Микляева А. В., Безгодова С. А., Юркова Е. В. Событийная наполненность жизненной перспективы опекунов как характеристика отношений в семьях кровной и некровной опеки // Социальная психология и общество. 2020b. Т. 11, № 3. С. 86–98. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110306>
- Махнач А. В. Проблема поколения в замещающей семье как особой малой социальной группе // Социальная психология и общество. 2019a. Т. 10, № 2. С. 146–156. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100211>
- Махнач А. В. Тенденции в изучении семьи и характеристик состава, связанных с ее жизнеспособностью // Вестник РГГУ. Сер.: Психология. Педагогика. Образование. 2019b. № 2. С. 37–50. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-37-50>
- Махнач А. В. Характеристики состава замещающей семьи и ее жизнеспособность // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2019c. Т. 25, № 2. С. 46–51. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-2-46-51>
- Мухамедрахимов Р. Ж., Асламазова Л. А., Вершинина Е. А. Роль программы психологического сопровождения в динамике поведенческих проявлений привязанности у детей, воспитывающихся в замещающих семьях // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 3. С. 53–63. <https://doi.org/10.31857/S020595920004554-5>
- Ослон В. Н. Эколого-динамический подход к психологическому сопровождению замещающей семьи // Психологическая наука и образование. 2011. Т. 16, № 1. С. 27–37.
- Постылякова Ю. В. Индивидуальные и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители // Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект. М.: Институт психологии РАН, 2015. С. 459–477.
- Саенко Л. А., Соломатина Г. Н. Основные этапы жизненного цикла замещающей семьи: моделирование и содержательное наполнение // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2020. № 2 (77). С. 202–207. <https://doi.org/10.37493/2307-907X.2020.2.27>
- Соломатина Г. Н. Социально-педагогические факторы взаимодействия в замещающей семье // Kant. 2020. № 3 (36). С. 384–388. <https://doi.org/10.24923/2222-243X.2020-36.72>
- Соломатина Г. Н., Суменко Л. В. Подготовка педагогов к работе со сложной педагогической ситуацией в замещающей семье // Известия Российской академии образования. 2023. № 2 (62). С. 120–129.
- Соломатина Г. Н., Суменко Л. В. Социальная успешность приемного ребенка как фактор эффективности замещающей семьи // Научно-педагогическое обозрение. 2022. № 6 (46). С. 104–113. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-6-104-113>
- Тузова О. Н., Кардакова И. Н. Психологическая реабилитация ребенка в процессе сопровождения семьи с кровно-родственной формой опеки // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2015. № 7. С. 477–486.
- Цинявская Т. В. Методические рекомендации по отслеживанию динамики адаптации ребенка в опекаемой семье // Человеческий фактор: социальный психолог. 2020. № 2 (40). С. 320–327.
- Шабалина Е. В., Мухамедрахимов Р. Ж. Анализ взаимодействия детей и взрослых при переводе детей из дома ребенка в замещающие семьи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2021. Т. 11, № 2. С. 150–161.
- Шабалина Е. В., Мухамедрахимов Р. Ж. Взаимосвязь показателей взаимодействия детей и близких взрослых с возрастом и длительностью проживания детей в доме ребенка и замещающих семьях // Сибирский психологический журнал. 2022. № 84. С. 156–168. <https://doi.org/10.17223/17267080/84/9>
- Шульга Т. И. Проблемы адаптации детей, оставшихся без попечения родителей, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, в опекунских семьях // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21, № 4. С. 75–82. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210407>
- Davis M. T., Warfield M. E., Boguslaw J., Roundtree-Swain D., Kellogg G. Parenting a 6-year old is not what I planned in retirement: Trauma and stress among grandparents due to the opioid crisis // Journal of Gerontological Social Work. 2020. Vol. 63, no. 4. P. 295–315. <https://doi.org/10.1080/01634372.2020.1752872>
- Fučík P., Janků K. S. The challenges and paradoxes of kinship foster care in a socially excluded locality // Socialnı Prace. 2019. Vol. 19, no. 3. P. 44–61.
- Korjova E. Yu., Bezgodova S. A., Miklyaeva A. V., Yurkova E. V. Interaction styles in child-guardian relationships in kinship and non-kinship guardian families // Psychology in Education. 2022. Vol. 4, no. 1. P. 31–40. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-1-31-40>

- Rolock N., Pérez A. G. Three sides to a foster care story: An examination of the lived experiences of young adults, their foster care case record, and the space in between // *Qualitative Social Work*. 2016. Vol. 17 (2) P. 195–215. <https://doi.org/10.1177/1473325016666410>
- Rolock N., White K. R. Post-permanency discontinuity: A longitudinal examination of outcomes for foster youth after adoption or guardianship // *Children and Youth Services Review*. 2016. Vol. 70. P. 419–427. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2016.10.025>
- Xu Ya., Jedwab M., Lee K. A., Levkoff S. E. The negative effects of adverse childhood experiences (ACEs) on behavioral problems of children in kinship care: The protective role of kinship caregivers' mental health // *Journal of Emotional and Behavioral Disorders*. 2023. No. 31 (1). P. 41–53. <https://doi.org/10.1177/10634266221076475>
- White K. R., Rolock N., Marra L., Faulkne M., Ocasio K., Fong R. Understanding wellbeing and caregiver commitment after adoption or guardianship from foster care // *Journal of Public Child Welfare*. 2020. Vol. 15, no. 2. P. 1–26. <https://doi.org/10.1080/15548732.2020.1850601>

Статья поступила в редакцию 18 сентября 2023 г.;
рекомендована к печати 15 февраля 2024 г.

Контактная информация:

Коржова Елена Юрьевна — д-р психол. наук; elenakorjova@gmail.com

Тузова Ольга Николаевна — канд. психол. наук; olg.tuzova@yandex.ru

Карасаева Алия Манасовна — ассистент; aliya-13@mail.ru

Повхова Анастасия Витальевна — бакалавр; povhova.anastasia@yandex.ru

The life situation of post-guardianship in the representations of members of kinship guardian families*

E. Yu. Korjova^a, O. N. Tuzova, A. M. Karasaeva, A. V. Povkhova

Herzen State Pedagogical University of Russia,
48, nab. r. Moiki, St. Petersburg, 191186, Russian Federation

For citation: Korjova E. Yu., Tuzova O. N., Karasaeva A. M., Povkhova A. V. The life situation of post-guardianship in the representations of members of kinship guardian families. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2024, vol. 14, issue 2, pp. 241–259. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2024.203> (In Russian)

The completion of guardianship is an important period for all family members and can be considered as a special life situation. The study of the post-care period allows us to assess the quality of the passage of the previous stages and to see the prospects for further development of both the foster children (post-foster children) and the guardians (post-guardians). Currently, this stage of the life of foster families is not sufficiently reflected in scientific research. There is a need to supplement empirical data on the problems of foster families after the end of guardianship. The purpose of the study is to study the features of the life situation of post-guardianship in the representations of post-guardians and post-foster children. To achieve this goal, a questionnaire has been developed that contains questions aimed at identifying the structure of the post-guardian family, studying subjective assessments of changes in the life situation, analyzing the level of maintaining relationships in the “post-guardian — post-foster children” system, subjective assessment of the level of maintaining social contacts, identifying the ability and willingness of the former guardian to transfer responsibility, subjective assessment of the post-foster children readiness for independent identification of the level of satisfaction with the result of interaction in the family. The study involved 214 members of kinship

* The reported study was funded by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 23-28-00195; <https://rscf.ru/project/23-28-00195/>.

^a Author for correspondence.

guardian families. Of these, 112 orphaned children aged 18–25 years and 102 post-guardians aged 45–75 years. The analysis of the responses showed differences in the ideas about the life situation of post-guardianship members of kinship guardian families. Positive ideas about the life situation were revealed in the post-foster children, who at the time of the study had already created their own families and those who live independently. Post-foster children and post-guardians, living together, gave lower ratings for the categories of the situation under consideration. Lower ratings were revealed in the representations of post-guardian grandmothers than in the representations of post-guardian aunts. Post-guardian grandmothers living alone, in all the categories under consideration, have negative ideas about the post-guardianship situation, which indicates the need to develop and organize psychological support.

Keywords: life situation of post-guardianship, post-guardians, post-foster children, kinship guardian families.

References

- Aslamazova, L. A., Muhamedrahimov, R. J., Vershinina, E. A. (2019). Institutional experience and level of health as factors of behavior specificity of children in substitute families. *Psikhologicheskii zhurnal*, 40 (1), 47–58. <https://doi.org/10.31857/s020595920002249-9> (In Russian)
- Cinyavskaya, T. V. (2020). Methodological recommendations for monitoring the dynamics of adaptation of a child in a foster family. *Chelovecheskii faktor: sotsial'nyi psikholog*, 2 (40), 320–327. (In Russian)
- Davis, M. T., Warfield, M. E., Boguslaw, J., Roundtree-Swain, D., Kellogg, G. (2020). Parenting a 6-year old is not what I planned in retirement: Trauma and stress among grandparents due to the opioid crisis. *Journal of Gerontological Social Work*, 63 (4), 295–315. <https://doi.org/10.1080/01634372.2020.1752872>
- Fučík, P., Janků, K. S. (2019). The challenges and paradoxes of kinship foster care in a socially excluded locality. *Socialni Prace*, 19 (3), 44–61.
- Gorbaneva, M. V., Kolmakova, T. S., Bajer, E. A., Zaluzhnaya, M. V., Grigoryan, N. A., Kovalenko, V. N. (2023). Comparative characteristics of the psycho-emotional state of children and adolescents left without parental care, with different forms of family structure. *International Journal of Medicine and Psychology*, 6 (5), 108–115. (In Russian)
- Korjova, E. Yu., Bezgodova, S. A., Miklyaeva, A. V., Yurkova, E. V. (2020a). *The psychology of a foster family: A situational approach*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University Press. (In Russian)
- Korjova, E. Yu., Bezgodova, S. A., Miklyaeva, A. V., Yurkova, E. V. (2022). Interaction styles in child-guardian relationships in kinship and non-kinship guardian families. *Psychology in Education*, 4 (1), 31–40. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-1-31-40>
- Korjova, E. Yu., Volkova, E. V., Miklyaeva, A. V., Bezgodova, S. A., Yurkova, E. V. (2020b). Event fullness of the guardians' life perspective as a relationship characteristic in the kinship and non-kinship guardians' families. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo*, 11 (3), 86–98. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110306> (In Russian)
- Kozyreva, V. V. (2019). Socio-psychological peculiarities of experience by men and women of crisis of the “empty nest”. *Vestnik universiteta*, 4, 173–180. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-4-173-180> (In Russian)
- Makhnach, A. V. (2019a). The problem of generation in a foster family as a special small social group. *Sotsial'naiia psikhologiiia i obshchestvo*, 10 (2), 146–156. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100211> (In Russian)
- Makhnach, A. V. (2019b). Trends in studying the family and characteristics of the composition related to its resilience. *Vestnik RGGU. Psikhologiiia, Pedagogika, Obrazovanie*, 2, 37–50. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-2-37-50> (In Russian)
- Makhnach, A. V. (2019c). Characteristics of structure of a foster family and its viability. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 25 (2), 46–51. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2019-25-2-46-51> (In Russian)
- Muhamedrahimov, R. J., Aslamazova, L. A., Vershinina, E. A. (2019). The role of the Programme of Psychological Support in attenuation disorder behavior among children in substitute families. *Psikhologicheskii zhurnal*, 40 (3), 53–63. <https://doi.org/10.31857/s020595920004554-5> (In Russian)
- Oslon, V. N. (2011). An ecological and dynamic approach to the psychological support of a substitute family. *Psikhologicheskaiia nauka i obrazovanie*, 16 (1), 27–37. (In Russian)

- Posty'lyakova, Yu. V. (2015). Individual and family resources of candidates for substitute parents. *Problema sirotstva v sovremennoi Rossii: Psikhologicheskii aspekt*, 459–477. (In Russian)
- Rolock, N., Pérez, A. G. (2016). Three sides to a foster care story: An examination of the lived experiences of young adults, their foster care case record, and the space in between. *Qualitative Social Work*, 17 (2), 195–215. <https://doi.org/10.1177/1473325016666410>
- Rolock, N., White, K. R. (2016). Post-permanency discontinuity: A longitudinal examination of outcomes for foster youth after adoption or guardianship. *Children and Youth Services Review*, 70, 419–427. <https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2016.10.025>
- Saenko, L., Solomatina, G. (2020). Main stages of the life cycle of the replacing family: Modeling and content filling. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, 2 (77), 202–207. <https://doi.org/10.37493/2307-907x.2020.2.27> (In Russian)
- Shabalina, E. V., Muhamedrahimov, R. J. (2021). Analysis of caregiver-child interaction when transferring children from a baby home to post-institutional families. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 11 (2), 150–161. (In Russian)
- Shabalina, E. V., Muhamedrahimov, R. J. (2022). Relationship of indicators of caregiver — child interaction with the child's age and length of stay in a baby home and foster families. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, 84, 156–168. <https://doi.org/10.17223/17267080/84/9> (In Russian)
- Shul'ga, T. I. (2016). Problems of adaptation of children left without parental care, including those with disabilities, in foster families. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 21 (4), 75–82. <https://doi.org/10.17759/pse.2016210407> (In Russian)
- Solomatina, G. N. (2020). Socio-pedagogical factors of interaction in a substitute family. *Kant*, 3 (36), 384–388. https://doi.org/10.51944/20738498_2023_2_120 (In Russian)
- Solomatina, G. N., Sumenko, L. V. (2022). Social success of the foster child as a factor of the efficiency of the foster family. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*, 6 (46), 104–113. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-6-104-113> (In Russian)
- Solomatina, G. N., Sumenko, L. V. (2023). Preparing teachers to work with a difficult pedagogical situation in a substitute family. *Izvestiia Rossiiskoi akademii obrazovaniia*, 2 (62), 120–129. https://doi.org/10.51944/20738498_2023_2_120 (In Russian)
- Tuzova, O. N., Kardakova, I. N. (2015). Psychological rehabilitation of a child in the process of accompanying a family with a consanguineous form of custody. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem*, 7, 477–486. (In Russian)
- Xu, Ya., Jedwab, M., Lee, K. A., Levkoff, S. E. (2023). The negative effects of adverse childhood experiences (ACEs) on behavioral problems of children in kinship care: The protective role of kinship caregivers' mental health. *Journal of Emotional and Behavioral Disorders*, 31 (1), 41–53. <https://doi.org/10.1177/10634266221076475>
- White, K. R., Rolock, N., Marra, L., Faulkne, M., Ocasio, K., Fong, R. (2020). Understanding wellbeing and caregiver commitment after adoption or guardianship from foster care. *Journal of Public Child Welfare*, 15 (2), 1–26. <https://doi.org/10.1080/15548732.2020.1850601>
- Zaluzhnaya, M. V., Xakunova, F. P., Bersirova, A. K., Zhazheva, D. D., Grigoryan, N. A. (2022). The results of monitoring the social and pedagogical indicators of substitute families. *Sotsial'naya pedagogika v Rossii. Nauchno-metodicheskii zhurnal*, 5, 54–58. (In Russian)

Received: September 18, 2023

Accepted: February 15, 2024

Authors' information:

Elena Yu. Korjova — Dr. Sci. in Psychology; elenakorjova@gmail.com

Olga N. Tuzova — PhD in Psychology; olg.tuzova@yandex.ru

Aliya M. Karasaeva — Assistant; aliya-13@mail.ru

Anastasia V. Povkhova — Bachelor; povkhova.anastasia@yandex.ru